

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

ВЫЗОВ ЗАБВЕНЬЮ

О книге Натальи Гранцевой “Сказанья русского Гомера”

Имя Михаила Хераскова, поэта XVIII века, ныне помнят разве что историки литературы. Широкому читателю его творчество не знакомо. Между тем, М. Херасков заслуживает признательности потомков как создатель первой национальной эпопеи.

Книга Натальи Гранцевой бросает вызов незаслуженному забвению, которым окружено творчество автора “Россиады”. Гранцева прочла “Россиаду” непредвзято – как поэт, чьё сознание свободно от историко-литературных штампов. Она искусно проанализировала текст как человек, умеющий задавать точные вопросы, искать на них ответы и в результате добираться до сути.

“Россиада” посвящена взятию Казани Иваном Грозным в 1552 году, событию, о котором в советской историографии говорилось как-то стыдливо и скупко. Обращаясь к исторической основе поэмы, Н. Гранцева определяет, насколько содержание соответствует современному историческому знанию. На конкретных примерах она показывает, что приведённые Херасковым факты и основные этапы боевых действий соответствуют нынешнему представлению о политической обстановке времён Ивана Грозного, о главных действующих лицах военной кампании 1552 года. Создатель поэмы прекрасно ориентировался и в топографии Казанского царства, великолепно был осведомлён о династических связях разных ордынских группировок, вполне узнаваемо воссоздал планировку города, с достаточной точностью следовал хронологии основных событий осады. Это сегодня летописная, фактографическая, документальная оснащённость содержания “Россиады” нам кажется само собой разумеющейся. Но первые тома Полного собрания русских летописей (никогда до этого типографским способом не воспроизводившиеся) увидели свет только в слепушкинское время, да и Карамзин написал свою “Историю государства Российского” уже после смерти М. Хераскова. Н. Гранцева скрупулёзно вычисляет источники, к которым мог прибегнуть М. Херасков, попутно проясняя спорный момент в биографии своего героя – с какой целью Херасков в 1770 году прибыл в Петербург и что он там делал. Да именно в Петербурге, в Синоде собирались летописные копии, ещё по указу Петра I снимаемые с летописей в монастырях! С ними Херасков и работал – это предположение объясняет многое.

Увы, в России XIX века передовая общественность, потрясённая карамзинскими картинами злодейств Ивана Грозного, уже не в состоянии была рассматривать образ молодого героя, покорившего Казань, как образ поэтический. Процесс исторического “просвещения” россиян, запущенный Н. Карам-

зиним, вызвал нешуточные страсти и эмоциональные реакции современников. А у Хераскова был свой взгляд на историю. Его Грозный царь, 22-летний руководитель похода на Казань, в соответствии с исторической правдой изображён как аскет и полководец.

Текст поэмы “Россиада” даёт возможность ответить на ряд непростых вопросов, и ответы эти далеки от стереотипов новейших времён. Достояна ли прославления победа русских над ордынцами? Достояна ли художественного дифирамба Москва времён Грозного? Может, царь Иоанн, как новый крестonosец, осуществил массовую насильственную христианизацию татар? Н. Гранцева обращается не только к самой “Россиаде”, но и к мнениям исследователей и специалистов, к тем, кто стал уже классиками и кто работает сегодня. Ответы, факты весьма красноречивы. Последний казанский царь Едигер не был унижен. Взятый в плен при штурме Казани, он получил в дар обширные владения в Звенигороде под Москвой как полноправный представитель элиты, исповедующей христианские ценности. Не было унижено достоинство и честь казанской царицы Сумбеки, сохранившей свой царский статус и впоследствии благополучно царствовавшей в Касимове.

Долговременная, почти маниакальная заикленность отечественной историографии “на ужасах царя Ивашки” явилась ударом и по Хераскову, и по его “Россиаде” – герой поэмы был “не тот”. Вообще, складывается впечатление, что наши представления об истории допетровской Руси намного скуднее, чем знания тех, кто жил в XVIII веке, что наши представления втиснуты в прокрустово ложе историографии XIX–XX веков. Так, если к моменту написания М. Херасковым поэмы почти общим местом были связи персонажей русской истории и их взаимодействие на политической арене с представителями Астраханского ханства, по устоявшейся традиции называемыми персами и персиянками, то сегодня мы этих смыслов, занимающих в поэме Хераскова важное место, просто не прочитываем. Таким затенённым историческим смыслом “Россиады” в книге уделено немало места, благодаря чему отечественная история приобретает яркие, сочные краски и предстает в более крупных ракурсах.

Было бы странно, если бы поэт Наталья Гранцева не занялась исследованием поэтики “Россиады”. Кстати, по её мнению, проблема непонимания критиками творения Хераскова коренится именно в непонимании самой поэтики “Россиады”. Гранцева рассматривает “Россиаду” в координатах поэтики XVIII века. Перечисляет приёмы, которые обнаружены в “Россиаде”. На конкретных примерах она показывает, что значат эти приёмы, и как, с какой целью они использованы. Разнообразный символический и эмблематический материал, которым свободно оперировал Херасков, был давно освоен европейской литературой и считался вполне законным и нормативным. Этот материал вкупе с историческим документом Михаил Херасков дополнительно обогатил за счёт фантастического элемента и “преданий старины глубокой”. Создание чудесных образов и волшебных метаморфоз – этот вклад Хераскова в литературу – Гранцева называет прорывным и уникальным. И именно он вызвал больше всего негодования в широких литературных кругах. Удивительно, но исследователи даже не предпринимают попыток интерпретировать это новое и фантастическое как символ или эмблему. Почему? Потому что нет соответствующего “толкования”, освящённого чьим-то авторитетом?

Совершенно непривычно для нас то, что Н. Гранцева проводит линии, связующие Хераскова и Горация, Аристотеля, Шекспира, Вольтера да и самого Гомера. Впрочем, тем, кто знаком с её предыдущей книгой “Ломоносов – соперник Шекспира?” (СПб, 2011), такие сопоставления странными не покажутся. Мы сами обедняем свою литературу, не допуская мысли, что российская земля может рождать не только собственных Ньютонов и Платонов, но и Гомеров, Шекспиров, Вольтеров...

Неожиданным выглядит и разбор поэмы А. Пушкина “Руслан и Людмила”, которую Гранцева уподобляет большой системной цитате из красочного эпизода “Россиады”, волшебно преображенного дерзким молодым пером. Взяв в разработку сюжетный фрагмент “Россиады” – историю о битвах, в которых участвовала персиянка Рамида и три её воздыхателя, – молодой Пушкин воспроизвёл в нём не только внешнюю сторону событий, но и скрытую, символическую. Более того, он использовал фантастические и волшебные элементы “Россиады”, изловчившись внушительную их часть включить в малый объём своей поэмы – шесть песен вместо двенадцати Хераскова, – дав тем самым

образец большей концентрации смыслов. Над этой поэтической “безделицей” он работал три года, перед ним стояла особая задача: используя лёгкую, бытовую, живую речь, сохранить символическую её “начинку”.

Строгая форма, в которой выдержана книга “Сказанья русского Гомера”, безупречная логика автора, живой, образный язык, подчас не без ядовитости и запала комментарии делают, казалось бы, сугубо филологические изыскания увлекательным, лёгким для чтения и восприятия исследованием. Этому способствует и форма подачи материала: разбивка текста на небольшие абзацы, выделение жирным шрифтом начальных слов абзацев, подчинённых строгой логике: Пушкин–Херасков – комментарий автора; факт – объяснение современников – аргумент – комментарий автора. Именно безупречно строгая логическая выверенность помогает автору сопоставить поэму Пушкина и поэму Хераскова, разобраться в биографии писателя, в которой много неясного и тенденциозного, основанного на сплетнях и домыслах, некритично заимствованного у современников поэта – его завистников и недоброжелателей, желавших принизить роль удачливого собрата. Что ж, битвы за место в истории были излюбленной забавой литераторов XVIII века – каждый хотел быть Первым, основоположником чего-нибудь. В случае с М. Херасковым дело осложнялось ещё и тем, что современники не понимали механизмов, которые позволили благодушному красавцу сделать блестящую карьеру, не понимали причин, по которым он перемещался с одной должности на другую, не могли объяснить непреходящее благоволение к нему монарших особ.

История знает немало примеров того, как ленивые умом современники не постигали масштабных и сложных произведений, созданных великими талантами. Но если друзья и коллеги не всегда могли вникнуть в сложный замысел “Россиады”, разобраться в её искусной композиции, найти объяснение и оправдание изобилию сказочного и волшебного применительно к историческому материалу, то современному читателю без должных комментариев это тем более трудно. Н. Гранцева подробно излагает содержание поэмы. После краткого изложения – чёткий и хорошо продуманный план поэмы, который не смог исчислить с помощью треугольников и прямоугольников гимназист-недочка, просветитель и масон Н. Новиков и понять поэт К. Батюшков. Отдельно выстроена галерея героев поэмы, где даже самые фантазийные образы неразрывно связаны с реалиями историческими. И раскрываются загадки “Россиады”, ответы на которые в несколько ином свете представят читателю и историю покорения Казанского царства, и роль царя Иоанна в этом событии.

Собственно, Н. Гранцева делает то, на что не нашёл времени ни один историк литературы за два века: она возвращает в сокровищницу русской литературы её почти утраченную драгоценность. Более того: она публикует фрагменты “Россиады”, львиную долю которых широкая аудитория не видела свыше двухсот лет.

Книга Натальи Гранцевой написана просто и увлекательно, автор как бы обращается к широкому читателю за поддержкой в борьбе с забвением, навязанным поколениями “ленивых и нелюбопытных”. Этот интеллектуально-просветительский жест – по сути, свидетельство веры автора в то, что благодарные потомки продолжат работу по возвращению несправедливо забытого. Может быть, лет через двадцать, к 300-летию со дня рождения Михаила Хераскова, мы и узнаем – услышан ли этот призыв?